

Леонид Люкс

Сомнительные параллели: авторитарная Россия не является фашистской – ответ А. Мотылю *

Недавно в ведущем немецком журнале *Osteuropa* (Восточная Европа) Александр Мотыль отстаивал тезис о том, что Россия – это фашистское государство, или, по крайней мере, на пути к таковому¹. Этот тезис не выдерживает критики. Главные признаки немецкого и итальянского фашизма, такие как всеохватывающая идеология или прославление насилия, не свойственны авторитарно-бюрократическому режиму, созданному при Путине. Тот, кто подводит режим Путина под понятие «фашизма», рискует не увидеть опасность, исходящую от настоящего русского фашизма.

Россия 90-х годов часто сравнивалась с сотрясаемой кризисами Веймарской республикой. Оба государства сформировались в результате распада их прежней гегемониальной позиции, они потеряли территории, не охватывали полный регион проживания представителей своего народа и столкнулись с глубочайшим экономическим кризисом. Как в Веймарской республике, так и в постсоветской России воинствующие антидемократы смотрели на демократическую систему как на своего рода оккупационный режим. Поэтому, несмотря на некоторые существенные различия между «первой» немецкой и «второй» русской демократией, термин «Веймарская Россия»² вполне обоснован.

Но можно ли перенести эту аналогию и на системы, пришедшие на смену обеим демократиям – т.е. на Третий Рейх и «управляемую демократию» Путина? Александр Мотыль, кажется, выступает за это толкование: «В обеих странах люди обвиняли сторонников демократии [...] во всех бедах. Гипернационализм и фетишизация государства компенсировали разочарования. Преклоняющиеся си-

* Статья ранее публиковалась на немецком языке в журнале *Osteuropa* (2009. Vol. 59. No. 4. P. 119-128) и является ответом на статью: Motyl A. Russland – Volk, Staat und Führer: Elemente eines faschistischen Systems // *Osteuropa*. 2009. Vol. 59. No. 1. P. 109-124.

¹ Motyl A. Russland – Volk, Staat und Führer.

² См. в т.ч.: Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М., 1995; Hanson Stephen E., Kopstein Jeffrey S. The Weimar/Russia Comparison // *Post Soviet Affairs*. 1997. No. 3. С. 355-368; Kailitz S., Umland A. Why the Fascists Won't Take Over the Kremlin (for Now): A Comparison of Democracy's Breakdown and Fascism's Rise in Weimar Germany and Post-Soviet Russia // Государственный университет – Высшая школа экономики: Препринт. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ» / Под ред. Марка Урнова. 2010. № 2. https://www.hse.ru/data/2010/06/10/1219754365/WP14_2010_02.pdf.

ле группировки захватили – легальным способом – власть и использовали готовность населения к подчинению для формирования их диктаторского господства» (с. 122).

По мнению Мотыля, партия «Единая Россия», на которую опирается Путин, хотя якобы и не похожа на фашистские партии перед их приходом к власти, так как они в это время все еще делали ставку на революционное изменение системы, но все-таки «Единая Россия» «походит на национал-социалистов или на итальянских фашистов после захвата власти. Потому что тогда они пополнили свои ряды конъюнктурщиками и карьеристами и едва ли были похожими на те воинствующие движения, из которых они произошли» (с. 117).

Несмотря на то, что «Единая Россия» не обладает какой-либо всеохватывающей идеологией и идеологический арсенал «управляемой демократии» похож на ковер из лоскутов, в котором одновременно сосуществуют имперско-этатистские и рыночные элементы, партия близка по характеру, по мнению Мотыля, НСДАП или ПНФ после их прихода к власти: «Фашистские государства не придерживаются какой-либо всеобъемлящей идеологии, готовой дать ответы на все жизненные вопросы. Как и все авторитарные государства, они хотят лишь влиять на общество и контролировать его» (с. 112). Подобные высказывания не соответствуют прежде всего характеру национал-социалистского режима таким вопиющим образом, что их нельзя оставить без возражения.

Национал-социализм имел в своём распоряжении, вопреки словам Мотыля, всеобъемлющую идеологию, стремившуюся изменить существовавший порядок еще глубже, чем это хотел сделать коммунизм. НСДАП стремилась не только к тому, чтобы «лишь влиять на общество и контролировать его» (с. 112) но и хотела изменить его коренным образом. Своей попыткой построить новый, расистско окрашенный миропорядок, нацисты еще радикальнее, чем коммунисты, порвали с традиционными представлениями европейцев, сформированными столетиями христианского влияния. Несмотря на то, что борьба с христианской традицией относилась к центральным элементам как большевистского, так и национал-социалистского мировоззрения, характер этого противоборства был разным. Коммунисты претендовали на то, что они защищают такие идеалы как социальная справедливость и равноправие эффективнее чем церковь или буржуазные партии. Национал-социалисты же полностью отвергали эти идеалы. Эрнст Нольте, которого едва ли можно заподозрить в излишних симпатиях к большевизму, писал в 1966 году: «Образ [национал-социалистического] "нового порядка" [...] ясно показал основные черты немецкой или Великогерманской мировой империи [...], которая [...] с многообразной действительностью европейского модерна име-

ла намного меньше общего, чем даже ленинское видение Соединенных Советских Штатов Европы»³.

В 1987 году – уже во время «спора историков» – Нольте в своей спорной книге *Европейская гражданская война 1917-1945 гг.* добавил, что «несмотря на Архипелаг ГУЛАГ, западному миру Советский Союз был по духу ближе [...] чем национал-социализм с его Освенцимом»⁴.

Что бы не внушал Мотыль, после т.н. «захвата власти» НСДАП ничуть не потеряла свой прежний революционный характер. Наоборот: именно обладание властью дало ей возможность воплотить свою расово-политическую программу в полном масштабе. Началась серия походов на уничтожение и «окончательных решений», жертвами которых на протяжении следующих лет становились все более многочисленные группы населения – психически больные, польская интеллигенция, советские военнопленные, цыгане и славянские народы на оккупированных территориях – но в первую очередь евреи, которые для нацистских идеологов были воплощением зла, и потому подлежали полному уничтожению.

Однако Мотыль не принимает во внимание, что нацистский режим постоянно радикализывался: «Насилие и мобилизация масс представляют собой основополагающие признаки фашистских движений, прежде всего революционных [т.е. до их прихода к власти – Л.Л.]. В устоявшихся же политических системах, какими бы репрессивными они не были, насилие и мобилизация масс имеют лишь случайный характер, так как они подвергают опасности господствующий строй» (с.112).

Этот тезис о «случайном» применении силы в «устоявшихся» фашистских государствах не имеет с реальностью национал-социалистического государства ничего общего. Здесь с течением времени террор становился все систематичнее и радикальнее. Апогея своей радикальности режим достиг незадолго до своего краха. Гитлер, как поклонник Рихарда Вагнера, пытался инсценировать крушение Третьего Рейха как своего рода Гибель богов. Поскольку в своем появлении на политической сцене он видел высшее свершение немецкой истории, он стремился к тому, чтобы после его кончины закончилась и эта история. 19-го марта 1945 в разговоре с рейхсминистром вооружений Шпеером он заявил: «Если война будет проиграна, то погибнет и немецкий народ. Нет никакой необходимости заботиться о материальной базе, которая может понадобиться немецкому народу, чтобы продолжать его примитивное существование в будущем. Напротив, лучше все это разрушить самим, так как народ оказался более слабым и более сильному

³ Nolte E. Die faschistischen Bewegungen: Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1979. P. 187.

⁴ Idem. Der europäische Bürgerkrieg 1917-1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt/Main, Berlin, 1987. P. 549.

восточному народу принадлежит будущее. Все те, кто останется в живых после борьбы, – неполноценные индивиды, ибо полноценные пали на поле боя»⁵.

Поскольку национал-социализм постоянно стремился к окончательным решениям различного рода, для подавляющего большинства ученых не вызывает сомнения тот факт, что Третий Рейх был тоталитарным режимом. Это оспаривает Мотыль. Он не считает Третий Рейх тоталитарным, так как частная собственность в нем не была национализирована. Этим он создает дополнительную параллель к «управляемой демократии» Путина, где также допускается существование частной собственности.

Этим Мотыль, видимо, хочет привести еще одно доказательство в пользу того, что режимы, сменившие «первую» немецкую и «вторую» русскую демократию, являются родственными. Однако этот аргумент так же малоубедителен, как и приведенные до этого. Так, экономическая система Третьего Рейха, притом как до, так и после начала Второй Мировой войны, была полностью настроена на войну. Доля расходов на военные нужды достигала, например, в 1939 году 29 процентов от ВВП⁶. В России же эта доля в 2007 году составила менее 3 процентов⁷. Уже одни эти цифры доказывают, как принципиально различаются экономические системы путинской России и нацистского режима.

По крайней мере итальянский фашизм?

Была бы аргументация Мотыля менее спорной, если бы он отказался от утверждения родства между «управляемой демократией» Путина и нацистским режимом и ограничился бы лишь сравнением «системы Путина» с фашистской диктатурой в Италии, существенно отличавшейся от нацистского режима⁸?

В отличие от национал-социализма, у итальянского фашизма не было монокаузальной модели объяснения мира, лежавшей в основе апокалиптических преступлений нацистского режима. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не инициировал мировую революцию, как писал американский политолог Зигмунд Нойман⁹.

⁵ Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt: Deutschland 1933-1945*. Berlin, 1986. P. 760.

⁶ Overy O. *Die Diktatoren: Hitlers Deutschland, Stalins Rußland*. München, 2005. P. 557.

⁷ Russian Military Budget, <<http://www.globalsecurity.org/military/world/russia/mo-budget.htm>>.

⁸ Хотя итальянские фашисты и определяли свое государство как «тоталитарное», в случае фашизма в Италии речь шла, по мнению многих авторов, о «неполном тоталитаризме». См.: Aquarone A. *L'organizzazione dello stato totalitario*. Torino, 1965; Payne S. *Geschichte des Faschismus: Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung*. Berlin, München, 2001. P. 156, 161-164.

⁹ Neumann S. *Permanent Revolution: Totalitarianism in the Age of International Civil War*. N.Y., 1965. P. 111.

Радикальные словесные тирады Муссолини в действительность воплощены не были. Ему не был свойственен и беспощадный фанатизм Гитлера, по крайней мере до начала 30-х годов. В итальянском фашизме не было ни Освенцима ни Трешлинка. Все же и параллель с фашизмом в Италии обманчива. Поскольку, несмотря на свою тягу к прагматизму, итальянский фашизм никогда не терял своего изначального революционного характера. Хотя он и не смог в такой степени индоктринировать и изменить подвластное ему общество как национал-социализм, он никогда не терял эту цель из виду. Мышление в понятиях «Law and Order», характерное для команды Путина, у него также отсутствует. Бюрократический патернализм в фашистской Италии, иначе чем в путинской России, представлял собой не сущность, а только лишь внешнюю оболочку системы. Хотя Муссолини и пытался на время усмирить радикально-террористическое крыло своего движения во главе с Роберто Фариначчи, чтобы не подвергать опасности свой союз с консервативными элитами, но радикалы никогда не были лишены власти окончательно. Муссолини они были нужны как противовес, чтобы не попасть в полную зависимость от своих консервативных союзников. Итальянский фашизм сохранял до конца свою изначальную радикальность, которую воплощала прежде всего фашистская милиция (MVSN). Немецкий историк Вольфганг Шидер пишет: «Для радикальных партийных лидеров как Акилле Стараче, Роберто Фариначчи, да и для самого Муссолини, фашистская милиция еще в 30-х годах была основной политической надеждой режима. [...] Несмотря на то, что фашистскому режиму [...] не удалось сформировать из милиции элитное военное формирование наподобие Ваффен-СС, важен по меньшей мере сам факт такой попытки»¹⁰. Итальянский фашизм отличал от бюрократически-авторитарных режимов, как режима, установленного Путиным в России, и тот факт, что он никогда не отказывался от создания «нового человека» и нового, никогда доселе не существовавшего общества. Как пишет итальянский историк Эмилио Джентиле: «Фашисты считали себя – как и футуристы – "конструкторами будущего". Фашистский миф о "перманентной революции" был к тому же модернистским, так как он заставлял фашизм не почивать на своих успехах и стабилизировать свою позицию власти через осторожную политику сохранения, а заставлял его посредством импульса своей изначальной сущности чувствовать себя обязанным, даже вынужденным конструировать себя как новую реальность будущего и наложить грядущим цивилизациям свой отпечаток»¹¹.

Кроме того надо подчеркнуть, что характерное для фашистских режимов прославление насилия и войны, в бюрократических режимах типа путинского, как правило, играет лишь маргинальную роль. Когда Мотыль пишет, что война «не является, как часто утверждают, существенным признаком фашизма» (с. 115), он

¹⁰ Schieder W. *Kriegsorientierung im faschistischen Italien* // idem. *Faschistische Diktaturen: Studien zu Italien und Deutschland*. Göttingen, 2008. P. 99-110, зд.: p. 103.

¹¹ Gentile E. *The Origins of Fascist Ideology 1918-1925*. N.Y., 2005. P. 399.

не осознает центральной движущей силы как итальянского фашизма, так и национал-социализма. Поскольку фашисты и нацисты, иначе чем большевики, пришли к власти не через устранение правящих до этого элит, а через компромисс с ними, их «захвату власти» недоставало принудительного характера, отличавшего путь большевиков к власти с осени 1917 года.

Как фашисты, так и нацисты пытались завуалировать этот факт, так как он не подходил к их убеждению, что они открыли новую эпоху в истории. Поэтому в обоих случаях передачу власти стилизовали под «захват власти», даже под революцию. Однако из-за союза с консервативными элитами путь к глубоким социальным преобразованиям в обеих странах оказался закрыт. Поэтому территориальная экспансия представляла собой важнейший клапан для разрядки накопившегося напряжения.

Уже в 20-х годах многие наблюдатели предсказывали, что фашизм неминуемо ввергнет Европу в войну. Например Филиппо Турати, один из лидеров Partito Socialista Italiano, заявил в 1928 году, что фашизм родился из войны и должен неизбежно породить войну¹². Общая для режимов Муссолини и Гитлера «тяга к войне» привела к тому, что, несмотря на первоначальные конфликты, они становились друг другу все ближе. Так, Муссолини заявил 4-го февраля 1939 года в своей речи перед Большим фашистским советом: «Политика оси Рим-Берлин отвечает [...] исторической необходимости первостепенного значения»¹³. Вольфганг Шидер пишет: «Идеологическое возвышение совместных с Гитлером политических действий возникло не из простой риторики. Оно с самого начала скорее показало, что привязанность к родственному по духу германскому диктатору была для Муссолини чем-то большим, чем просто тактический расчет»¹⁴.

Прославление насилия и войны, каковые были типичны для обеих праворадикальных диктатур в Германии и Италии, не находят соответствия в правящем истеблишменте путинского режима – и это несмотря на жестокое подавление чеченского стремления к свободе, несмотря на войну против Грузии и невзирая на шовинистическо-ксенофобскую пропаганду в контролируемых властью СМИ.

Настоящий русский фашизм

Совершенно по-другому обстоят дела, и здесь нужно согласиться с Мотылем, в полуофициальном и неофициальном дискурсе в России. Здесь еще до прихода Путина к власти праворадикальные идеи получили крайне тревожное распространение. Уже в заключительной фазе перестройки, но прежде всего после рас-

¹² Turati F. *Faschismus, Sozialismus und Demokratie* // *Theorien über den Faschismus* / Ed. Ernst Nolte. Köln, 1967. P. 143-144, 150.

¹³ Цит. по: Schieder W. *Kriegsorientierung*. P. 106.

¹⁴ Там же.

пада СССР, через разные каналы в Россию устремились запрещенные в советское время правозэкстремистские идеи. Так, например, к удивлению российской и мировой общественности, именно в стране, в которой в борьбе против Третьего Рейха положили жизнь около 27 миллионов человек, сформировались организации, следующие постулатам НСДАП. Председатель Московского антифашистского центра Евгений Прошечкин еще в 1994 году говорил о внезапном пугающем переломе, произошедшем в сознании российского общества: больше не считается дурным тоном распространять фашистские идеи¹⁵. Юрий Карякин, публицист и член Президентского совета, говорил примерно в то же время о более 150 периодических изданий фашистского толка, появившихся тогда в России¹⁶.

Особенно большой вклад в распространение правозэкстремистских идей в России внес публицист Александр Дугин¹⁷, который среди прочего пытался популяризировать в своем журнале *Элементы*, выпускавшемся с 1992 по 1998 года, тексты современных западных ультраправых, но прежде всего немецких воинствующих противников Веймарской демократии. Как и веймарские правые, журнал *Элементы* считал либеральные идеи, временно восторжествовавшие в Веймарской республике и постсоветской России, нигилистскими и циничными, смертельным врагом немцев и соответственно русских, и даже всего верного традициям человечества¹⁸.

Издатели *Элементов* ни в коем случае не хотели мириться с победой их заклятого либерального врага и призывали к контрудару. Кампания реванша, направленная прежде всего против США, должна была отплатить за позорные поражения всех противников Запада. Как и веймарские правые, журнал славил войну и насилие. Он обращался к «понятию политического» немецкого юриста Карла

¹⁵ Респектабельность фашизма // Москва – Иерусалим. 1994. № 4.

¹⁶ Фашистам пока спать спокойно // Московские новости. 1994. № 23. О правом экстремизме в современной России см. тж. публикации Информационно-аналитического центра «Сова», прежде всего: Русский национализм: идеология и настроение / Отв. ред. А. Верховский. М., 2006; Верхи и низы русского национализма / Отв. ред. А. Верховский. М., 2007; Язык вражды против общества / Отв. ред. А. Верховский. М., 2007; Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица / Отв. ред. А. Верховский, Г. Кожевникова. М., 2009.

¹⁷ О Александре Дугине см. тж.: Mathyl M. Der «unaufhaltsame Aufstieg» des Aleksandr Dugin // Osteuropa. 2002. No. 7. P. 885-900; Umland A. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluss auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Russland: Der Fall Aleksandr Dugin // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2006. No. 1. P. 115-147; Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма: концептуальные и контекстуальные интерпретации современного ультранационализма // Русский национализм. С. 223-262, зд.: с. 252-262; idem. Post-Soviet «Uncivil Society» and the Rise of Aleksandr Dugin: A Case Study of the Extraparliamentary Radical Right in Contemporary Russia. Phil. Diss. University of Cambridge, 2007; Luks L. Der «dritte Weg» der «Neo-eurasischen» Zeitschrift *Élementy* – zurück ins Dritte Reich? // Studies in East European Thought. 2000. No. 1-2. P. 49-71; idem. Eurasien aus neototalitärer Sicht. Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Russland // Totalitarismus und Demokratie. 2004. No. 1. С. 63-76.

¹⁸ См. тж.: Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 69-70; Элементы. 1994. № 5. С. 5, 8.

Шмитта, для которого различие между другом и врагом представляло собой главный критерий политики. Также и *Элементы* считали это различие альфой и омегой политики. В качестве врагов журнал рассматривал: «новый мировой порядок, открытое общество, либеральное мировое правительство, планетарный рынок [...] и универсализацию Запада»¹⁹. Все противники этих «врагов» записываются *Элементами* в категорию «друзей». Примирение между обоими лагерями, по мнению издателей журнала, невозможно: «Между ними только вражда, ненависть, жесточайшая борьба по правилам и без правил, на уничтожение, до последней капли крови. Между ними горы трупов [...]. Кто скажет последнее слово? Кто всадит последнюю пулю в плоть поверженного врага? Они или мы? [...] Это решит война. "Отец вещей"»²⁰.

Эти реваншистские фантазии Александр Дугин конкретизировал в своей книге *Основы геополитики*, опубликованной в 1997 году, которую можно назвать «учебником ненависти». В ней он призвал Россию к последней битве против победителей Холодной войны. Однако реванш России, по мнению Дугина, только тогда имеет шанс на успех, если ей удастся восстановить свою прежнюю позицию гегемона в Европе и Азии. Если Россия откажется от своей имперской миссии, то другие страны заполнят возникший после распада СССР политический вакуум и превратят Россию в колонию. В геополитической борьбе никакие компромиссы невозможны. Здесь в счет идет только сила²¹.

Эти слова обнаруживают поразительное сходство с ходом мысли Гитлера, развитым в его так называемой *Второй Книге* 1928 года. Гитлер писал, что каждый жизнеспособный народ должен расширяться, притом за счет остальных. Отказ от экспансии означал бы стагнацию. Стагнирующий же народ захватят более жизнеспособные нации. В этой борьбе все средства легитимны²².

Восстановление прежних границ Российской Империи представляет собой для Дугина, иначе чем для многих других империалистических ностальгиков в России, только первую ступень его стратегического плана. Поскольку истинной целью восстановленной империи должна стать битва за мировое господство, «Энд-кампф» – Последняя Битва: «Новая Империя должна быть евразийской, велико-континентальной, а в перспективе Мировой [так в оригинале – Л.Л.]. Битва за мировое господство русских не закончилась»²³.

Дугинская идеология с ее прославлением войны и насилия значительно отличается от этатистски-бюрократической и патерналистско-националистской программы Путина. Однако Дугин различными способами пытается инфицировать

¹⁹ Рука так и тянется к кобуре // *Элементы*. 1996. № 7. С. 2.

²⁰ Там же. См. также: Дугин А. Парадигма конца // *Элементы*. 1998. № 9. С. 2-70, зд.: с. 69.

²¹ Дугин А. *Основы геополитики: геополитическое будущее России*. М., 1997. С. 172.

²² *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Eingeleitet und kommentiert von G.L. Weinberg*. Stuttgart, 1961.

²³ Дугин. *Основы геополитики*. С. 213.

российский истеблишмент своими правоэкстремистскими идеями, при этом в некоторых случаях он добивается успеха. Так, например, научным консультантом *Основ геополитики* стал начальник кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба России генерал-лейтенант Н.П. Клокотов. Этот псевдонаучный памфлет был даже возведен в ранг учебника, «незаменимого справочника для всех тех, кто принимает решения в важнейших сферах российской политической жизни [...]»²⁴.

Какое-то время Дугин работал советником Геннадия Селезнева, с 1998 по 2003 год исполнявшего обязанности спикера Государственной Думы. Основанное Дугиным в 2003 году Международное «Евразийское движение» официально поддерживается рядом известных политиков²⁵. В 2008 году Дугин стал даже руководителем только что созданного Центра консервативных исследований на Социологическом факультете МГУ. Таким образом он получил возможность распространять свои экстремистские идеи в качестве профессора важнейшего российского ВУЗа²⁶.

Однако вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, несмотря на все эти крайне тревожные тенденции, Дугин до сих пор не сумел достичь желанного для него места главного идеолога путинского режима. Его апокалиптически инспирированная идеология Эндкампа, напоминающая прежние праворадикальные сценарии Гибели богов, не является официальной программой правительства. И пока дела обстоят таким образом, тезис Мотыля о «фашистском, если даже не фашистском государстве, созданном при Владимире Путине» (с. 109) не является адекватным отражением действительности.

Неосторожное употребление понятия фашизма, к чему склонны прежде всего левые идеологи, и раньше часто приводило к недооценке настоящей фашистской опасности. К подобной недооценке российского фашизма можно прийти, если начать использовать это понятие и в отношении авторитарной «управляемой демократии» Путина²⁷.

Перевод с немецкого: Антонина Зыкова

²⁴ См. раздел «От издателя» книги *Основы геополитики*.

²⁵ Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln, 2007. P. 227-268; Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Baltimore 2008. P. 107-114; Umland A. Postsowjetische Gegeneliten. P. 131-143; Радикальный русский национализм. С. 270-280.

²⁶ См.: Уmland А. Праворадикальный идеолог становится профессором ведущего ВУЗа России // inoSMI.ru. 2008. 20 ноября. <<http://www.inosmi.ru/world/20081120/245520.html?id=>>.

²⁷ См.: Umland A. Is Putin's Russia really «fascist»? A response to Alexander Motyl // Historische Streitfragen. 2008. 17 January. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/streitfragen.html#4>>.